

А. А. Соколов-Каминский

ДЖОРДЖ БАЛАНЧИН — ИНТЕЛЛЕКТУАЛ

Хореография Баланчина поразила меня сразу, с первого же знакомства, композиционным совершенством и эмоциональной насыщенностью. Его танец всегда пронизан чувственностью южанина и одновременно благородно сдержан. Эта сдержанность в проявлении эмоций сразу же напоминает о Петербурге — о том, что органично вошло в Баланчина и стало его природой.

Эмоциональное богатство и разнообразие в творчестве мастера порой заслоняют другое его замечательное качество — он изысканный интеллеktуал. Но этим не бравирует, а порой и, уверяю вас, скрывает.

Попробуем хотя бы прикоснуться к этой стороне его личности.

Я остановлюсь на двух изданиях, связанных с именем Баланчина. Мера участия его там разная. Одно — это объемистый труд, выдержавший несметное количество переизданий, другое — крохотное произведение издательского искусства с мизерным тиражом, обреченное сразу же стать раритетом.

Первая книга¹ кичливо объявляет себя принадлежащей Баланчину. Несомненно, это чисто рекламный ход — привлечь внимание читателя «брендом». Издание, действительно, охотно раскупалось: и благодаря рекламной уловке, и благодаря, уверен, прежде всего его высокой содержательности. Истинный автор — Фрэнсис Мэйсон (1921–2009) — прячется в облике редактора. Это опытный, высокопрофессиональный американский балетный критик, к сожалению, не очень осведомленный о русском балете и его истории. Многие годы возглавлял авторитетное издание *Ballet Review*, выступал балетным обозревателем на радио, друг Баланчина и Марты Грэхем.

Книга необычна, очень интересна по композиции. Начинается с того, что объявлено — статьями о спектаклях, признанных авторами выдающимися. Наши, советские постановки, здесь искать излишне — их список крайне скуден, если не сказать — ущербен. Отнесем это за счет издержек времени: «железного занавеса», идеологических шор, вынужденной неосведомленности. Для меня интереснее были следующие разделы: Как насладиться балетом, Краткая история балета, Хронология значительных событий в истории балета, Как я стал танцовщиком и хореографом, Балет для ваших детей, Беды балета, Балетные карьеры (я бы сказал, скорее — судьбы, — А. С. — К.), Заметки и комментарии о танцовщиках, танце и хореографии. И, наконец, заключительная, чрезвычайно интересная часть — Словарь. Чего тут только нет! Мэйсон обрушивает на читателя свою эрудицию и накопленное выдающимся интеллектом высокопрофессионального специалиста. Присутствует ли здесь, в этом финальном эпизоде, в эффектной коде, Баланчин? Очень может быть, что консультации с ним состоялись. Или использовались его высказывания иных времен.

¹ Balanchin's Complete Stories of the Great Ballets, with Mason Fransis (ed). N.Y., 1954.

А всё же — где тут Баланчин наверняка? «Как я стал танцовщиком и хореографом» — это интервью составителя сборника с героем. Бесценная прямая речь великого мудреца, облеченная в общедоступные формы порой бытовых высказываний. Тут испытываешь редкостное наслаждение! Откройте книгу — убедитесь сами.

Поклон, глубокий поклон критику за то, что он сохранил это для вечности. Что же там, где царит собственно Мэйсон? Тут впечатления двойственны. Там, где он ступает на русскую почву, не исключены осечки.

Вот примеры. Открытие Императорской танцевальной академии в Петербурге приурочено к 1735 году. И ниже: Императорская Театральная Академия (ныне Ленинградская хореографическая академия) основана в 1738 году. Не будем мелочиться: речь идет о Театральном училище (не академии), а после революции Хореографическом училище. Мэйсон обозначил дважды одно и то же событие — рождение русской балетной школы (поначалу — Школы танцевания ея императорского величества). Этого Баланчин не мог не знать. Похоже, рукопись не читал...

Другое. Брат нашего героя Андрей Мелитонович Баланчивадзе объявлен пианистом. Но ведь он известный грузинский композитор! Ошибка прозрачна, ясна: рассказывая о своем детстве, Баланчин указывает — брат занимался на фортепьяно, сестра — на скрипке. Уверенность в том, что Баланчин сочиненное Мэйсоном не читал, растет, укрепляется.

И все-таки ценность книги несомненна. И Баланчин там, пусть не во всем, но присутствует!

И вот — вторая вещичка², не знаю, как ее назвать. Брошюрой — не хочется, хотя в рамки жанра вписывается: всего тридцать четыре страницы. Но по содержанию уж слишком значительна! Назвать книгой — тоже не годится, масштаб не тот. Давайте величать это чудо просто — «издание».

А ведь чудо, согласитесь! Крохотное — в четвертинку обычного листа А4, в изысканной суперобложке — тонированного асфальта с золотыми прожилками, да еще с сиреневыми тесемками, которые завязываются на бантик! Трогательно, почти кич, и всё же вашему вкусу не претит.

Куплено в Нью-Йорке, на спектакле труппы Баланчина. Стоило изрядных денег. Издано спустя год после смерти маэстро — для поддержания его школы, его осиротевших учеников.

Украшает издание рисунок Баланчина. Автопортрет? Нет, скорее шарж. Владелец красивого лица предстал своеобразным лозунгом: лоб завален назад, губы нахально выпячены, нос воинственно торчит. А всё вместе — некто, летящий вперед, в будущее, рассекающий встречные тайны. Без страха к неизвестности, без желания оглянуться. Форштевень судна своей судьбы.

Здорово, надо сказать! Не просто танцевал, ставил танец. Но и рисовал, и сочинял музыку. И — философствовал. Хотя деянием многозначительным это не выглядело. Так, шутки гения.

Вот таким — мудрецом и философом — предстает Баланчин на страницах этого крохотного издания. Нет, нет — вовсе не убогого, а значительного и масштабного.

² By George Balanchine. San Marco Press, N.Y., 1984.

«Я рожден, чтобы молчать». Вот это программа, вот это метафора бытия! Танец — и слово. Как они соотносятся? Неужели, действительно, несовместимы?

Как музыкант и танцовщик он был предубежден против литературного выражения идеи, утверждает в вступительной статье³: «Словами вы ничего не добьетесь: никогда и нигде». Баланчин, действительно, умел молчать. Усвоил урок Ф. Лопухова в танцсимфонии «Величие мироздания» (1923), в которой участвовал: там словесная программа весьма способствовала шумному провалу и обструкции.

И дальше аноним констатирует: «Однако Баланчин не был абсолютным молчальником. Он разговаривал со своими танцовщиками на сочном, практичном профессиональном жаргоне. Экономные и целенаправленные его наставления часто были поразительно живыми».

Убедимся в том сами, обратившись к этим бесценным цитатам из Баланчина.

«Балет есть чисто женская вещь; это женщина, сад прекрасных цветов, а мужчина — садовник». Тут царит матриархат, уверяет хореограф. Это одна из основополагающих мыслей, и она часто повторяется. «В балете женщина прежде всего. Мужчина есть сопровождающее лицо королевы. Он спутник: знатен, блестящ, но, в конце концов, достаточно хорош, чтобы быть ее партнером». И снова: «Балет есть женщина. И всю мою жизнь я посвящаю свое искусство ЕЙ!».

Много высказываний относится к музыке. «Музыка всегда первична. Я не могу двигаться, я не могу даже хотеть двигаться, пока я не услышу поначалу музыку. Я не могу двигаться без причины, а причина и есть музыка». Или в другом месте: «Для моих балетов вы должны слышать музыку как МУЗЫКУ, а не делать субъективную интерпретацию ее. Тогда ваш ум будет свободен, чтобы УВИДЕТЬ танец». Баланчин уверен: «Хореография может быть только результатом музыки». И настаивает: «Смотрите музыку и слушайте танец».

А вот об отношении к своей второй родине: «Я всегда хотел быть американцем. Я не мог даже говорить по-английски, но я на самом деле хотел быть американцем». Итог: «Я больше американец, чем русский». А дальше спохватывается, с юмором: «Я все еще не настоящий американец: я не могу понять рок-н-ролл».

О себе как хореографе: «Говорят, я механистичен, у меня нет души, я убиваю личность. Я скажу обратное: я поощряю личность, я даю танцовщикам то, что они могут делать наилучшим образом».

Неожиданна мысль Баланчина об импровизационности в исполнительстве: «Балерина есть личность, а личность означает импровизацию. Личность чувствует, что она должна создавать что-то особенное для своей публики». Продолжение почти шокирует: балерина-личность чувствует, что «хореограф дал ей для этого не совсем достаточно, так что она добавляет что-то от себя; таким образом хореография становится просто атмосферой для балерины». Вот это свобода для самовыражения!

Баланчин был танцовщиком сильным, но невысоким, потому его амплуа было — гротеск, а не герой. Героем быть, видимо, хотелось; не исключено, что это превратилось в комплекс. Возможно, отсюда родилось это, с юмором, высказывание: «Мне нравятся высокие. Я вам скажу, почему люблю высоких. Потому что они могут ВИДЕТЬ больше!».

Встреча с Баланчиным всегда радость — и с его хореографией, и с его мыслями.

³ Статья анонимна, но естественно предположить, что написана Ф. Мэйсоном.